

Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск)

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КАТЕГОРИИ НАКЛОНЕНИЯ В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Категория наклонения всегда играла значительную роль в самодийских (уральских) языках. В них способность присоединять показатели косвенных наклонений выступала (а в ряде языков выступает и сейчас) важным формальным признаком глагольных основ, отличающим последние от именных (Терещенко 1972 : 119; Хайду 1985 : 239). Есть мнение, что древней человеческой речи косвенные наклонения, за исключением повелительного, не были свойственны (Серебренников 1974 : 203). Этой точке зрения в целом не противоречат уральские и самодийские реконструкции: для прауральского состояния восстанавливаются индикатив и императив (Janhunen 1982 : 37) или индикатив, императив и конъюнктив-оптатив (см., например, Collinder 1960 : 307; Serebrennikov 1973 : 75; Хайду 1985 : 239—240), для прасамодийского — индикатив, императив и конъюнктив-кондиционалис (Кюннар 1974 : 17; Künnap 1978 : 112—113). В современных самодийских языках число косвенных наклонений уже превышает два. Причем оно различается не только по языкам данной группы, но нередко и по диалектам одного языка (см., например, Вербов 1973 : 98—100; Sammallahti 1974 : 81—83; Терещенко 1965 : 895—902; Хайду 1985 : 239; Терещенко 1966б; 1979 : 210—220; Сорокина 1975; ОчСЯ 235—249; Могова 1985 : 59; Кузнецова 1987 : 99—114 и т. д.). Большое разнообразие косвенных наклонений в пределах языковой группы свидетельствует об относительно позднем формировании этих наклонений в ходе обособленного развития каждого из входящих в нее языков (Серебренников 1974 : 203). Маркерами времен и наклонений в современных самодийских языках становились простые и усложненные показатели глагольных имен прасамодийского (Künnap 1978 : 140, 200, 76, 77—78, 141, 142, 195—196 и т. д.). Соответственно каждый из языков расширял границы категории наклонения за счет включения в нее микропарадигм косвенных наклонений. Но и это приобретенное языками состояние не может оставаться неизменным. В них появляются новые формы, старые получают иное осмысление или новые функции (Мещанинов 1975 : 26). В статье предпринимается попытка проследить изменения в парадигме категории наклонения в селькупском языке, касающиеся плана ее содержания и плана выражения, отдельных частей-микропарадигм и категории в целом. Объектом исследования служат материалы разной временной периодизации по диалектам языка (Dialektgebiete — Janurik 1985 : 283), объединяющимся в два больших массива — тазовско-енисейский (сев.) и тымско-нарымско-кетско-обский (юж.) (Хелимский 1985 : 54).

Сущность грамматической категории наклонения пока не установлена с достаточной степенью четкости, общепринятого определения дан-

ной категории не существует. Преобладают, по крайней мере, следующие типы её определений: «... система форм глагола, выражающих модальные отношения высказывания (высказываемого) к действительности», «... система форм глагола, выражающих модальные отношения действия к действительности с позиций говорящего», «... система форм глагола, выражающих различные модальные значения» (см., например, Локштанова 1987 : 86; Смирницкий 1959 : 342; Стеблин-Каменский 1957 : 127; Виноградов 1947 : 581; ГСРЛЯ 355; ИТМГЯ 212). Таким образом, рассматриваемая категория оказывается связанной с категорией модальности, определение которой тоже является нелегкой задачей. В лингвистике получило распространение широкое понимание языковой модальности, не совпадающее по объему с модальностью логической. При этом в языковой модальности выделяются несколько планов или аспектов:

- 1) внутренняя модальность — отношение субъекта (объекта) действия к совершаемому им действию;
- 2) внешняя объективная модальность — отношение содержания предложения к действительности в плане реальности/нереальности;
- 3) внешняя субъективная модальность — модальность достоверности высказывания (простая достоверность, проблематическая, категорическая, модальность неочевидности (косвенности) высказывания, модальность сомнения, удивления и т. п.);
- 4) коммуникативная модальность — утверждение, вопрос, побуждение;
- 5) эмотивная модальность — высказывания экспрессивные/неэкспрессивные (Слюсарева 1986 : 44 и далее; Серебренников 1988 : 145; Локштанова 1987 : 88; Ермолаева 1978 : 12 и далее).

Как показывает знакомство с системой наклонений в разных языках, любой из этих аспектов модальности может быть выражен морфологическими средствами. Поэтому семантика категории наклонения (план ее содержания) по языкам не совпадает. Соответственно и деление наклонений на реальные и ирреальные, в частном случае возможное, в целом не является необходимым или обязательным (Петров 1982 : 34—36; Серебренников 1988 : 145; Ермолаева 1978 : 12 и далее).

В диалектах селькупского языка категория наклонения базируется на противопоставлении прямого наклонения (индикатив) ряду косвенных. Число косвенных наклонений, выделяемых в известных работах по грамматике селькупского языка, колеблется и зависит не только от теоретических воззрений исследователей, но и от диалекта (см., например, Castrén 1854 : 368—371, 522—524; С—Л 196—232, 332—334; Hajdú 1968 : 146—149; Künnap 1978 : 96—97; Moreva 1985 : 59; Пр. 64—69; ОчСЯ 235—249; Кузнецова 1987 : 99—114). Наиболее развернутая парадигма категории наклонения (индикатив/императив, конъюнктив, оптатив, кондиционалис, дебитив, аудитив, латентив) приводится для тазовского диалекта селькупского языка (ОчСЯ 235—249). Соответствующая парадигма в других диалектах отличается от данной прежде всего количественно (имеет меньшее число членов-микропарадигм) и очень незначительно качественно (нар., тым. — оптатив II, или *Modus der Absicht* — Moreva 1985 : 59 — < буд. вр. индикатива; кет. — адхортатив < оптатив — Кузнецова 1987 : 100—101).

Императив выражает во всех диалектах селькупского языка как прямое, так и косвенное (обращенное к 3 л.) побуждение к совершению действия. Соответственно парадигматическим значением наклонения является волеизъявление говорящего, требующее немедленного исполнения со стороны слушателя или третьего лица. Однако значение форм императива не исчерпывается парадигматическим: они могут

использоваться в значении условного (3 л. — *kutij tü-i—tübi kuşam apstegu nado'* (если) кто придет, (то) пришедшего человека накормить надо'; *ifenne tarati: kai tü-i, kutinen as ik nükkut* 'Ите они-двое сказали: (Если) кто придет, никому не открывай!' — Кузнецова 1987 : 106) и долженствовательного наклонений (2 л. — *tat umbi meka tō-k* 'ты обязательно должен прийти'; *tat iki kβaja-k* 'ты не должен приходить' — Морева, Алиткина 1976 : 99—100). Первоначально парадигма императива отличалась большой разветвленностью (2, 3 л. ед., дв., мн. ч. субъектного и объектного спряжения) во всех диалектах селькупского языка (С—Л). В настоящее время наиболее полная парадигма наклонения сохраняется на севере. В диалектах южного ареала намечается тенденция к свертыванию, что выражается в уменьшении числа членов и образовании синкретичных форм (императив-индикатив, субъективное-объективное спряжение). Уменьшение числа членов в парадигме императива (исчезают формы 3 л. — Кузнецова 1987 : 107—108) ведет к сужению парадигматического значения наклонения (волеизъявление говорящего, требующее немедленного исполнения со стороны слушателя — прямое побуждение).

Формы конъюнктива (сослагательного наклонения) передают в селькупских диалектах гипотетическое действие, нереализованное в действительности. Они обычно выражают:

а) желательность совершения действия. Это желание может быть как выполнимым, так и не выполнимым (с точки зрения говорящего). Разграничение значений осуществляется посредством контекста, однако часто бывает затруднено: таз. ОчСЯ *ē san enä mē tuqunyn nälamyn* 'была бы у нас дочь'; нар. *mi bæ lasse tal'ze kβanb-ni-vi paraḡosse* 'если бы мы с тобой вчера уехали-двое на пароходе (букв. паромом)'; кет. *kβen-ne-m* (<* *kβet-ne-m*) *man loḡam* 'поймать бы мне лису (букв. поймал бы)' и т. п. Синонимом наклонения выступает в данном случае инфинитив с частицей *pj* и ее вариантами: нар. *meka bæ kβatki koček loḡalar* 'убить бы мне много лисиц';

б) возможность (как реальную, так и ирреальную) совершения действия: нар. *loḡa bæ kurañ-ñi* (<* *kural-ñi*) *šōt, no tav kälamba kiba loḡalaye* 'лиса могла бы убежать в лес, но осталась с лисятами';

кет. *kalkñin tan konzursal, a štobj čumbanelла i konnerала иллэ-не-т ок' orrankən* 'где ты видел, чтобы волки и овцы жили (жили бы, могли бы жить) на одном дворе?'; об. *oj, set čuškakan kβ-nä-ḡe* 'ой, а то два поросенка сдохли бы' (см. также Морева 1972 : 81);

в) ирреальное условие в одной из частей сложного предложения, называемой посылкой, и одновременно ирреальное, не совершившееся, а только желаемое действие в другой части, называемой заключением: ен. *kutar tüšañdeni karñ, man tasinde četisaḡeni* 'если бы ты пришел утром, я бы тебя встретил'; таз. С—Л *tat tääle tjeel maatersanđene, man komde misamene* 'ежели бы ты вчера просил, я бы деньги дал'; нар. *tō-ni bæ karəllar tab bæ loḡar*

konžer-ni-d kar kangət 'если бы он пришел пораньше, он увидел бы лисицу в капкане' и т. п.;

г) мягкое, некатегоричное побуждение к совершению действия (совет или просьбу). В этом случае при выражении отрицания формы конъюнктива сочетаются с частицей *iki* 'не' и ее вариантами, как и формы императива: кет. *madarbi-ni-ndi madatko* 'попросил бы ты дом';

тым. *tūke-n-e-n dī* хоš, *moš biť korofī kβellendse* 'пришел бы ты хоть, может быть, медведя добудешь'; нар. *paĵandī tēnirla: tattii ūri kβan b-ni-n d'* жена-его говорит: «Ты бы не ходил!» и т. п.

Таким образом, значение нереальности четко выявляется у форм конъюнктива в нереальных условных предложениях, а также в самостоятельных предложениях, выражающих нереальную (обусловленную) возможность или нереальное желание. Остальные значения форм этого наклонения остаются недифференцированными по отношению к модальному плану реальности/ирреальности.

Еще в материалах М. Кастрена/Т. Лехтисало по селькупскому языку (С—L) мы находим примеры, где формы с одним и тем же *n*-овым маркером трактуются то как конъюнктив, то как оптатив (ср. Хайду 1985 : 320). Это указывает на синонимичность форм конъюнктива оптативным, т. е. на транспозицию конъюнктива в сферу употребления последнего, основанную, очевидно, на близости значений этих двух наклонений. Полагают, что значения конъюнктива и оптатива были близки и в индоевропейском праязыке (Серебrenников 1988 : 25). Различие между ними состояло, по-видимому, лишь в том, что конъюнктив выражал большую степень вероятности, чем оптатив (Савченко 1974 : 293).

Близость значений этих двух наклонений допускает и транспозицию оптатива в сферу употребления конъюнктива. Из диалектов селькупского языка она отмечается в тазовском. В нем оптатив выступает синонимом конъюнктива не только при выражении желательности действия (ирреальное желание), но и в сложных предложениях с ирреальным условием (посылка) : (С—L) *eeme t y ūl ä ≠ eeme t y ū s e e n e* 'к а бы он пришел'; *eeme njäänjem miled* 'к а бы хлеб мне дал'; *tat tääle tjeel maaterländ (od. maatersandene), man komde misamene* 'если бы ты вчера просил, я бы деньги дал' (см. также ОчСЯ 400). Следовательно, в тазовском диалекте сфера употребления оптатива по сравнению со сферой употребления конъюнктива расширяется, а последняя, наоборот, сужается.

Иначе обстоит дело в кетском диалекте, где у оптатива произошло свертывание лично-числовой парадигмы (осталось только 1 л., желательное наклонение > побудительное — Кузнецова 1988 : 193). Формы конъюнктива могут выполнять в этом диалекте функцию утраченных членов парадигмы оптатива (3 л.) и служить для выражения желания, чтобы что-либо случилось или не случилось в будущем: *prašaj, pu št tendene saĵlal ē-n e-t-i kak meŋga man kolam* 'прошай, пусть тебе твои глаза будут, как мне мои уши!'; *ütet nar, štob as koĵi kula kūtjadat, koĵi kula kou-ne-dat* 'пошли так, чтобы небогатые люди заболели, богатые разбогатели (пусть разбогатеют)' и т. п. Аналогичное явление отмечается в тех языках (например, в латинском), где после фиксирования на определенном временном срезе и оптатива и конъюнктива исходный древний оптатив исчезает. Оставшийся конъюнктив начинает выполнять функции желательного наклонения, что ведет к выделению т. н. *conjunctivus optativus* (ср. Соболевский 1948 : 194—195; Серебrenников 1988 : 25).

В нарымском диалекте сослагательное наклонение также расширяет сферу своего употребления. Здесь формы конъюнктива (как и оптатива) могут выражать реальную возможность или долженствование: *tolmatkūt mōlzim ba-ni* 'комната должна быть прибрана'; *niĵnam kβaja-ni mirĵnut* 'сестра могла часто приходиться ко мне'; *tab kažni čel ark čapter ka de šp-ni-d* 'она каждый день могла по-другому сказку рассказывать'; *tab a βe šp-ni-d βažip* 'она может

(каждый день) есть мясо' и т. п. Расширение сферы значений конъюнктива в нарымском диалекте объясняется, по-видимому, тем, что конъюнктив, выражая гипотетическое действие, допускал с большой долей вероятности возможность его выполнения (Серебрянников 1988 : 25).

Оптатив (желательное наклонение) еще относительно недавно выделялся во всех диалектах селькупского языка (С—L). В настоящее время его наличие аргументировано в тазовском диалекте, а также в тымско-нарымско-обском языковом ареале (ОчСЯ 245—246; Кузнецова 1988 : 190—192). Парадигматическим значением оптатива выступает реальное желание в сочетании с волеизъявлением говорящего, не требующим немедленного исполнения, как в императиве. Само действие обязательно относится при этом к временному плану будущего. Формы желательного наклонения используются для выражения:

а) намерения, обещания: таз. ОчСЯ *qarçä muntyk sä koŋaltty-lä-p* 'я потом все расскажу'; нар. *mi tasse nädi-la-e i bargı-la-e beš ilgband kundı* 'мы с тобой тоже поженимся и проживем всю жизнь'; тым. *paja čenča erandini : hirıl nadem me-la-i* 'старуха говорит старику своему: «Снежную девочку сделаем (мы-двое)!';

б) побуждения или пожелания, обращенного говорящим к себе или группе лиц, в которую он входит: таз. ОчСЯ *qontallē-lä-k!* 'вздремну-ка я!'; нар. *timñala, na tädit parond anna ča nžə-lu-t* 'братья, (давайте) на верхушку этого кедра вверх залезем (мы-многие)'; тым. *ķβelle-i* (<* *ķβen-le-i*) *βažip kirelgu, ugolgu čβisse* 'пойдем (мы-двое) мясо обдирать, назад (домой) его тащить';

в) пожелания на будущее: таз. ОчСЯ *tat tarum yky cāty-lä-l (sä)* 'пусть ты его не встретишь'; нар. *čundəp ķβandə-la-da mören* 'пусть коней увезут (они-многие) в море!'; тым. *nä-dēmna tō-la* 'пусть к девушке придет'; об. *por peldi-la* 'да поможет бог';

г) просьбы разрешить что-либо сделать: таз. ОчСЯ *mət šer-lä-k?* 'в дом можно войти?'; нар. *mat tažınd peldi-la-ŋ üdın tädile* 'разрешите помочь вам принести воды?'; об. *mat tōku-la-k tirindit tidälzel* 'разрешите прийти к вам завтра?';

д) следствия из некоторого условия, обозначаемого глаголом в кондиционалисе: таз. ОчСЯ *tat cāŋkymmänty, mat yky wəšy-lä-k* 'если тебя не будет, я не встану'.

В тазовском диалекте оптатив может выступать в синтагматике синонимом конъюнктива (см. выше). В тымско-нарымско-обском ареале отмечается транспозиция оптатива в сферу употребления императива и индикатива. В первом случае формы оптатива приобретают оттенок долженствования, во втором — долженствования и возможности, при этом нейтрализация инвариантного модального значения сопровождается выделением футурального: об. *tannan andyıl labəp i-la-l!* 'к твоему обласку принадлежащее весло возьми!'; тым. *üdi-le-l mazıp onenžini iləgu* 'пусти меня к себе жить!'; об. *tab kočək tabep ķbatpadı, tab tapžellar tō-lla* 'он много белок добыл, он сможет раньше вернуться домой'; нар. *tat mešp-le-l načalnar kanduk čenča aβel* 'ты должен делать то, что говорит мать-твоя'; *tab mē-l-de ķaip kiga* 'он может делать все, что хочет'; *man temñām ačendak, tab ček ti-la* 'я брата моего жду, он скоро придет (= должен прийти)'. Хотя транспозиция оптатива в сферу употребления индикати-

ва в указанном языковом ареале и носит устойчивый характер, а формы опатива регулярно выступают как средство футурализации действия, содержательного уравнивания опатива и индикатива, т. е. полного подавления инвариантного для опатива модального значения все же не наблюдается (Кузнецова 1988 : 192).

Желательное наклонение не выделяется в современном кетском диалекте. В нем свернутая парадигма опатива реализуется как побудительное наклонение — адхортатив (Кузнецова 1987 : 100—101). Поскольку между адхортативом и императивом в данном диалекте существуют отношения дополнительной дистрибуции (2, 3 л. — императив, 1 л. — адхортатив), реально объединение этих двух наклонений в одной парадигме (ИТМГЯ 213). Однако маркер адхортатива встает между основой и показателями лица-числа, используемыми во всех наклонениях, кроме повелительного. Поэтому формы адхортатива и не включаются в парадигму императива (ср. Терещенко 1979 : 216). При утрате суффиксальной маркированности относительно императива формы побудительного наклонения могут быть включены в парадигму повелительного (Кузнецова 1988 : 193).

Итак, в селькупском языке наблюдается переосмысление форм опатива в формы будущего времени и включение форм опатива в парадигму императива. Последняя тенденция прослеживается также в славянских (Мейе 1951 : 264; ИГРЯ 132), тюркских (Серебренников 1974 : 247; Храковский, Володин 1986 : 47), германских языках (ИТМГЯ 289) и может рассматриваться в качестве типологической закономерности (Храковский, Володин 1986 : 47). Переосмысление форм желательного наклонения во временные (будущее) имеет место в некоторых тюркских языках (Серебренников 1974 : 242).

Кроме *l*-ового опатива (I), отмечавшегося во всех диалектах селькупского языка, в нарымском и, по-видимому, тымском диалектах можно выделить опатив II (*Modus der Absicht* — Moreva 1985 : 59). Его формы обычно используются для выражения реального намерения или желания, реже — реальной возможности. При этом отнесение действия к футуральному временному плану не обязательно: нар. *uŋ gūlʒum t-en ʒa-m taʃ čaptimd, no umbi čaʒigu* 'мне хотелось послушать его рассказ, но надо идти'; тым. *tab talʒilʒi-nʒi-ɣa* 'он вчера хотел прийти'; нар. *ʒudənaɪ mirəni a med-en ʒa* 'до нас двоих никто доехать не мог'; *mi tɪnd a kal-ənʒ-ut* 'мы не могли здесь больше оставаться' и т. п. Соответствиями маркерам этого наклонения в других диалектах (таз., кет.) выступают показатели будущего времени индикатива (ОчСЯ 239—240; Кузнецова 1987 : 119). Это позволяет считать опатив в указанном диалектном ареале трансформированным будущим временем. Основой для становления значения наклонения в рамках временной формы могла служить, очевидно, склонность футурума употребляться с модальным значением по отношению к процессам, не относимым к временному плану будущего (ср. ИТМГЯ 101). Факт развития наклонения на базе времени (а не наоборот) хорошо согласуется и с нижеследующим.

Маркеры будущего времени в тазовском диалекте, соответствующие нарымским, тымским показателям опатива II, материально совпадают с суффиксами имперфективности (ОчСЯ 239—240). Формальное совпадение суффиксов способа действия и маркеров времени объясняется в данном случае общностью их происхождения. Известно, например, что в ряде финно-угорских языков суффиксы способов действия переосмыслились в показатели времен и выступали в дальнейшем как те и

другие одновременно (см., например, Klemm 1925 : 273; Терещенко 1965 : 896, 901; Майтинская 1973 : 81—90; Лабанаускас 1976 : 108—112; Сорокина 1984 : 119). В тазовском диалекте селькупского языка могло происходить то же самое, но на современном этапе его развития формы футурума и имперфективности уже явно разграничены. На это указывает способность имперфективных глаголов образовывать формы времени (ОчСЯ 239—240; ср. Лабанаускас 1976 : 108—112).

Соответствия тазовским маркерам будущего времени и нарымским, тымским опатива II в современном кетском диалекте не используются для выражения способа действия, а функционируют прежде всего как показатели будущего времени (Кузнецова 1987 : 119). Формы этого времени способны передавать в данном диалекте и модальное значение возможности: *peŋiŋl'-d̄εʒʒa-β tan tibiñnabd̄i* 'я могу найти твоего брата'; *tan k̄βεč-ča-l̄* (<* *k̄βet-ča-l*) *k̄βeryim* 'ты можешь убить медведя' и т. п. Такое использование футурума отмечается во многих языках мира (см., например, Серебренников 1960 : 82; Лайонз 1978 : 328—329).

Кондиционалис (условное наклонение) в настоящее время представлен в северных и кетском диалектах (ср. Helimski 1983 : 43). Его формы используются в составе сложного предложения (посылка) для обозначения действия, являющегося условием выполнения других действий (без указания на ирреальность): таз. ОчСЯ *tap cēly soryntä cāŋky-mmä, mat macä qantak* 'если сегодня не будет дождя, я пойду в лес'; *apstäty, apsal ē-mä* 'накорми, если у тебя будет еда'; кет. *loži k̄βenni, moqa sünde farrati : tü-ma-ndε, me sünde k̄βεčot* 'черт ушел, ему вслед, они-двое сказали: «Если придешь мы тебя уьем»»; *k̄βoži-ma-ndε, aβarik, menqa kondägu mitta* 'если хочешь есть, ешь, мне спать дай'. Выступая структурно обусловленным (в синтаксических структурах определенного типа) средством выражения реальности, кондиционалис сближается с индикативом — структурно свободным средством выражения соответствующего модального значения. Поэтому индикатив и может функционировать в синтагматике в качестве синонима условного наклонения: таз.

C—L tan mirngnändsal, man tämandsam 'ты (ежли) продашь (индикатив), я купить стану'; нар. *tatt̄i nadirand̄i mašik, mat tekka k̄balan, tatt̄i a la k̄βadande masse* 'если ты любишь (индикатив) меня, за тебя пойду, если ты не смеешься (индикатив) надо мной'. Возможно, исходное значение кондиционалиса в селькупском языке было шире настоящего: он мог служить для передачи не только реального, но и ирреального условия, выполняя функцию современного конъюнктива (ср. *C—L mat täänd t̄i mi-mmä-m, tan määka k̄abeljä mit* '(ежели) я пускай теперь тебе даю, ты после мне дай (= Wenn ich dir jetzt geben würde, gib du mir nachher)').

В целом для выражения реального условия выполнения какого-либо действия селькупский язык располагает следующими средствами:

- 1) бессоюзные предложения открытой структуры, где в посылке употребляется глагол в кондиционалисе (ОчСЯ 401): таз. Пр. *oryp neñqal pot̄y ě-mmä-sæ, mat qāndap ēlæsæ* 'сильно комариный год будет если, мои искры (это) будут'; кет. *k̄β̄ida-mmä-m man loḳkam, tendeni minzam* 'если я (сейчас) одну лису убью, я тебе отдам';
- 2) сложноподчиненные предложения с придаточными условными союзными, сказуемое которых стоит в кондиционалисе: байшВ *qata qāñ-mmä-nt̄y, mārḡ pul lakap na qonñntal* 'если пойдешь,

большой камень вот увидишь'; таз. ОчСЯ *qata ūkyt tülcy-mmä-myŋ, šinty atyltentōmyn* 'если мы придем раньше, мы тебя подождем';

3) сложноподчиненные предложения с придаточными условными союзами, в которых используется сказуемое в индикативе: таз. Пр. *qata kь kаnрь, tan ukōt māt qytbьl ijamь mēть, man nat pūt nātь qāьp ūtenpar* 'если ты хочешь, ты сперва моего хворающего сына вылечи (досл. сделай), после этого впредь рыбу пушу'; кет. *esli kuratte esuŋ, essamik̄ neβestan k̄βerrakuβati ženiχm pā k̄andl̄ tūkəβat neβestango* 'если сватанье состоялось, родители невесты приглашают жениха через год за невестой' и т. п.

Наличие таких средств дает основания полагать, что в селькупском языке, как в тюркских, при становлении сложной синтаксической структуры распространялись и совмещались два пути развития подчинительных отношений — трансформация (1) и союзный способ (3). Первый предполагал примыкание двух самостоятельных предложений, а затем преодоление первичного примыкания путем втягивания потенциального придаточного предложения в рамки простого. То, что относилось к потенциальному придаточному, выражалось при этом причастными и депричастными конструкциями (ср. способы передачи условного значения в других самодийских языках, а также соответствия селькупскому маркеру кондиционалиса в ненецком, энецком, нганасанском и камасинском — Кӱппар 1978 : 199). Известно, что трансформация как способ выражения подчинительных отношений имеет некоторые ограничения. Стремление преодолеть недостаточность этого пути развития ведет к появлению союзного способа. Возникновение сложных предложений союзного типа в селькупских диалектах, по-видимому, нельзя объяснить только влиянием контактирующего с ними русского языка. Очевидно, и в самом селькупском были заложены условия развития союзного сложного предложения. Семантическим основанием для развития таких предложений могли быть противительные значения — условные, следственные и пр. Язык располагал также известным количеством союзов и союзных слов, дающих возможность образовывать придаточные предложения (ср. условные союзы селькупского происхождения — ОчСЯ 405). Скрещивание двух путей, трансформации и союзного, привело к появлению смешанных типов построений (2) (см. подробнее Се-ребренников 1988 : 64).

Дебитив (долженствовательное наклонение) выделен только в тазовском диалекте селькупского языка и может являться северноселькупской инновацией. Формы дебитива обозначают действие, которое должно произойти или которое нужно выполнить: *Aj mōtyl' pēry-ps ət-ymyt šākkyqynytqo* 'еще дом придется искать, чтобы переночевать'; *mat qorqyp qəs-sət-ap* 'я должен убить медведя' (ОчСЯ 246).

Долженствовательное наклонение из самодийских языков известно также в ненецком и энецком. При этом маркеры дебитива ненТ, БЗ *-бцy-, -cy-* (*-зy-, -цy-*) (Терещенко 1965 : 901; 1966а : 388); *bсu-/su-/cu-* (Најдӱ 1968 : 65); ненЛ *-psu-, -su* (Вербов 1973 : 99); эн. *-чy-* (Терещенко 1966б : 452; 1973 : 143—144), *-tu-*; сельк. (таз.) *-(p)sət-* (ОчСЯ 246), точнее, их начальные компоненты могут быть этимологически родственными. Формирование же наклонения в каждом из названных языков осуществлялось независимо друг от друга.

При диахроническом рассмотрении селькупского дебитива прослеживается общесамодийская линия развития в становлении глагольной парадигмы (маркеры времен и наклонений < простые или усложненные

показатели глагольных имен — Künnap 1978 : 140, 200, 76, 77—78, 141, 195—196 и т. д.). Так, показатель должноствительного наклонения *-(p)s̄t-* имеет соответствия среди суффиксов причастий: таз. *-(p)s̄tyl* с дебитивным значением (*macōqyn ily-ps̄-tyl qumyt* 'люди, которые должны будут жить в лесу', *ily-ps̄tyl cēly* 'день, который должен быть прожит' при *ily-qo* 'жить' — ОчСЯ 255, см. также Hajdú 1968 : 143; Пр. 54; Künnap 1978 : 176—178; Алиткина 1985 : 7). Следовательно, формы дебитива в селькупском языке представляют собой в диахронии предикативные формы глагольного имени на *-(p)s̄t*, а формы дебитивного причастия, соответственно, атрибутивные формы этого имени.

Показатель селькупского глагольного имени *-(p)s̄t* с дебитивным значением является сложным. В его структуре возможно выделение суффикса *-(p)so* ~ *-(p)sa* ~ *-(p)s̄*, образующего на синхронном срезе дестинативное причастие (*kary-psy, kary-psa, kary-ps̄* 'предназначенный для зимовки' при *kary-qo* 'зимовать', *miryk-so, miryk-sa, miryk-s̄* 'предназначенный для продажи' при *miryq-qo* 'продать', *tīnyrsa pō, pityrsa pō* 'планка, используемая для выделки шкур', *tū-psa cēly* 'день для прихода' — ОчСЯ 255, 341), или герундив (Пр. 28; следует заметить, что Г. Н. Прокофьев не различает герундив и отглагольные существительные орудия действия, суффиксы которых при формальном сходстве связаны также общностью происхождения; иначе ОчСЯ 255).

Косвенным доказательством связи дестинативного и дебитивного значений в рамках одной формы может служить и такой факт. При отсутствии дебитива с указанным маркером в южных диалектах селькупского языка в них отмечается распространение иных морфологических средств для выражения предназначения (соответствие таз. *-(p)s̄tyl* ~ южн. *-sodi* в известных нам материалах зафиксировано лишь в одном примере — Helimski 1983 : 45). Например, в кетском диалекте дестинативное причастие образуется с помощью не суффикса *-(p)s̄tyl*, как в тазовском, а суффикса **-j*, на присутствие которого указывает упереднение конечного гласного производящей глагольной основы (*iri üt* 'питьевая вода, вода для питья' при *irigu* 'пить', *amdī (abdī) koptī* 'место для сидения' при *amdīgu (abdīgu)* 'сидеть', *mūzalzi üt* 'вода для стирки' при *mūzalziḡu* 'стирать' — Кузнецова 1987 : 150—151).

Вышеизложенное сопоставимо с данными ненецкого языка. В ненТ, БЗ маркер дебитива *-бцy-, -cy-* (*-зy-, -цy-*) имеет формальные соответствия среди показателей глагольных имен, обозначающих предмет, предназначенный для чего-либо (*nipe-бцo* 'то, что предназначено для варевa (уже подготовлено)', *nipe-бцoд* 'то, что предназначено для варевa (еще не подготовлено)' при *nipe(сb)* 'сварить'; *сзда-бцo* 'то, что предназначено для шитья (уже подготовлено)', *сзда-бцoд* 'то, что предназначено для шитья (еще не подготовлено)' при *сзда(сb)* 'сшить' — Терещенко 1965 : 883). В ненЛ близость по значению форм должноствительного наклонения на *-psy, -su* и отглагольных имен назначения к действию на *-psy, -ps* (*кьна* основа глагола 'петь' — *кьнā^ops* 'песня', *жиле* основа глагола 'жить' — *жиле^ops* 'жизнь', *кō* основа глагола 'найти', — *кō^opsy* 'загадка (подлежащее найденню)') отмечал Г. Д. Вербов. Он также указывал, что маркер *-psy* наклонения мало отличается от суффикса *-psy* отглагольного имени и в формальном отношении. Признавая колебания *o ~ u* в ауслауте ненецких словоформ типичными, Г. Д. Вербов допускал возможность использования данных суффиксов как тождественных (1973 : 50, 99).

Следовательно, в становлении должноствительного наклонения в селькупском языке, как и в ненецком, могли принимать участие глагольные имена назначения к действию. Это предположение подтверждают формальное сходство суффиксов с дебитивным и дестинативным значением и легко объяснимая семантическая трансформация: действие, совершение которого предзнаначается субъекту, может пониматься и как действие, которое субъект должен совершить.

Аудитив — наклонение, которое «выражает действия, устанавливаемые на основании их слышимости (*pacyty-kunä* 'рубит (слыхать)', *šēn-kunä-nty* 'ты вошел (слыхать)')» — был выделен в тазовском диалекте Г. Н. Прокофьевым (Пр. 69). По данным авторов ОчСЯ, формы этого наклонения в настоящее время мало употребляются, хотя и понятны большинству информантов (247). Не имея на синхронном срезе аналогов в других диалектах селькупского языка, тазовский аудитив обнаруживает явное сходство с соответствующими наклонениями в ненецком, энецком, нганасанском (Најдú 1968 : 65; Терещенко 1965 : 902; 1979 : 220; Künnap 1978 : 100). Очевидно и этимологическое родство маркеров этого наклонения: нен. *-won-/mon-*, эн. *-qno-/mqno-*, нган. *-mĩnt-/munu-*, сельк. *-kun(ä)-* (Терещенко 1973 : 145—146; Künnap 1978 : 100; ОчСЯ 247).

Наличие повествовательного или предположительного наклонения (нарратива) было установлено в тазовском диалекте Г. Н. Прокофьевым (Пр. 64—65; 69—70). Под термином «латентив» (наклонение неочевидного действия) оно описано авторами ОчСЯ (240—243). Возможность выделения данного наклонения констатируется также в обском говоре на Нижней Чае (материалы Н. П. Григоровского) и нарымском диалекте (Helimski 1983 : 42—43; Морева 1983). Аналогично маркированные формы могут передавать значение неочевидности действия и в кетском диалекте селькупского языка (Кузнецова 1987 : 156—157).

Однако несмотря на схожее функционирование форм с идентичным показателем, на наш взгляд, вряд ли оправдана их трактовка во всех диалектах в качестве форм особого наклонения. Основаниями для дифференцированного подхода могут быть следующие. Значение неочевидности действия часто несамостоятельно с точки зрения формы и выступает вторичным по отношению к ряду значений. Так, во многих языках мира, в том числе и в языках уральской семьи, отмечается развитие значения неочевидности действия в рамках перфектного. При этом формы перфекта могут основаться временными, даже если и способны выступать носителями модального значения (Серебренников 1960 : 66; 1974 : 206—209; 1988 : 27; Сорокина 1975а : 133—134). Своеобразное наклонение неочевидности, называемое в балтийских языках пересказочным и возникшее в косвенной речи путем замены *verbum finitum* действительным причастием настоящего или будущего времени (Endzelīns 1951 : 902, 976—983), сохраняет связь с указанной формой. Нередко исконные формы наклонений утрачивают собственно модальное значение и приобретают новую (например, временную или же чисто синтаксическую) функцию (ИТМГЯ 212). Таким образом, на синхронном срезе могут найти отражение процессы становления наклонения или преобразования его форм в какие-либо иные грамматические формы. Интерес в этом плане представляют данные кетского диалекта селькупского языка.

В этом диалекте суффикс, идентичный тазовскому маркеру латентива, не сочетаясь с маркерами времен и наклонений, используется прежде всего для передачи временного значения: основы глаголов несовершенного вида, оформленные им, обозначают действие, происходя-

щее в момент речи, основы глаголов совершенного вида — действие, закончившееся в момент речи или непосредственно перед ним: *me ildamnan ta ŋ gu-ndi poŋgi, kottiam tepanni poŋgi sβermi kku-nda-t* 'у деда моего сети нет, ему бабушка-моя сеть плетет'; *ildam anduβin sü čāzulpi-ndi* 'по дедовой (букв. дед-мой) лодке змея ползет'; *tep kəatikku-nda-t kβelam* 'она рыбу чистит'; *εβem poŋgi sβermi-nda-t* 'мать-моя сеть связала'; *taβ essem tū-ndi* 'это отец-мой пришел'; *ŋaj malma-ndi, teββigu nado* 'хлеб кончился, купить надо' и т. п. Поэтому данный показатель в кетском диалекте мог бы быть признан маркером настоящего времени, однако он не имеет достаточной регулярности употребления. Возможность же передачи временного значения как финитным глаголом, так и причастиями допускает трактовку соответствующих отглагольных форм в указанном диалекте как предикативных причастных форм.

Из отглагольных форм с суффиксом *-(n)tV-* (соответствует тазовскому маркеру латентива) выделяются формы от производных основ на *-(m)pV-* с результивным значением. В сочетании с окончаниями 1 л. они указывают на действие, завершившееся в прошлом, и его результат в настоящем, т. е. имеют перфектное значение, а с окончаниями 2 и 3 л. они могут наряду с перфектным значением передавать и модальное значение неочевидности действия: *man kaiborgam sūt-pi-nda-m* 'я рубашку сшила'; *man gastičule tū-mbi-nda-ŋ* 'я в гости пришел'; *man andoŋgam mē-mbi-nda-ŋ* 'я лодку сделал'; *tan ojonđi tibiγum tū-mbi-ndi* 'твоей тетки-твоей муж приехал (я не видел как)'; *oppom tibiγumđi kβeli tat-pi-nda-t* 'моей сестры муж-ее рыбу привез (я не видел как)'; *essendi oppođim kula tū-mbi-nda-tti* 'к сестре твоего отца люди пришли (я не видел как)' и т. п. В последнем случае эти формы можно рассматривать как собственно глагольные, так как наличие модального значения характерно исключительно для финитного глагола (Терещенко 1976 : 148; Мещанинов 1978 : 294). Поскольку в современном кетском диалекте нет перфекта как времени, значение неочевидности действия отмечается в нем в рамках перфектного результивных форм.

В исследуемом диалекте выявлена высокая частотность форм на *-(p)tV-* в предложениях закрытой структуры с глаголами зрительного слухового восприятия и речевой деятельности. При выражении предиката одной из частей такого предложения глаголом зрительного восприятия в другой его части в качестве сказуемого чаще выступают формы на *-(n)tV-* от глаголов несовершенного вида. С предикатом, выраженным глаголом слухового восприятия и речевой деятельности, отмечается сочетание форм на *-(n)tV-* от глаголов совершенного вида и результивов (ср. использование перфекта в модальном значении, например, в коми-зырянском — Серебренников 1960 : 63): *čāčas, čāčas, koldit* : *nūno makka amdī-ndi* 'шла она, шла, увидела: избушка маленькая стоит'; *konzurnit* : *ūtman čāča-nde karrā, tačček čāča-nde* 'он видит: по воде журавль идет, близко идет'; *man koldam essem tū-ndi* 'я увидел, (что) отец-мой пришел' и т. п. Отглагольные формы на *-(n)tV-* в предложениях закрытой структуры рассмотренного типа выполняют как бы две функции: зависимого простого предиката, если признавать данные предложения сложными, и атрибута (в пре- и постпозиции) при существительном в неформальном винительном падеже, если считать эти предложения простыми. Поэтому такое употребление

указанных словоформ может быть названо предикативно-атрибутивным.

В случае предикативно-атрибутивного употребления они выражают относительное время, т. е. связывают обозначаемое действие с действием глагола-сказуемого, если исходить из того, что предложение является простым, или же с действием глагола-сказуемого главного предложения, если считать предложение сложным. Отглагольные формы на $-(n)tV-$ могут использоваться для выражения относительного времени, по-видимому, и в собственно предикативном употреблении — в бессоюзных сложных предложениях открытой структуры (см. также В 129). При этом формы от основ несовершенного вида передают одновременность действий, от глаголов совершенного вида и результатов — предшествование одного действия другому: *aŋgel t̄imbile mitald̄iŋ, manzamba: t̄ula porumbi-nda-tt̄i* 'ангел долетел, смотрит: огни горят'; *čačas t̄ep, čačas, ūd̄imbi-nde nókka tebane* 'шла она, шла, к ней зайчик бежит'; *man magim tač̄i-nda-ŋ, kanaŋ t̄iian* 'я палку бросил, (и) собака пришла'; *ira čažaŋ, s̄o por̄yilat s̄erbi-nda-t* 'старик идет, хорошую одежду надел'; *manzambadat: man uttom laḡč̄ambi-nde, ḡatm̄i pat̄folbi-nde, put̄tom na ḡeβaŋ* 'смотрите, рука моя сломана, лоб-мой разбит, нос-мой вот кровоточит'.

Рассмотренные формы на $-(n)tV-$ в современном кетском диалекте (как было установлено в результате работы с информантами) обычно не используются в неопределенно-личных предложениях, где главный член выражается глаголом в форме 3 л. мн. ч. и основное внимание обращается на процесс действия, а не на его субъект, который отсутствует: *n̄iŋ ḡula pal̄đu-nda-tt̄i* — *n̄iŋ pal̄đuatt̄i* 'здесь люди ходят — здесь ходят'; *n̄iŋ ḡula laḡḡi-nda-tt̄i* — *n̄iŋ laḡḡiatt̄i* 'здесь люди работают — здесь работают' и т. п. Названная особенность функционирования отглагольных форм с $-(n)tV-$ в качестве простого предиката, очевидно, указывает на то, что отношения между субъектом и предикатом и в этом случае близки к атрибутивным.

Использование отглагольных форм на $-(n)tV-$ в предложениях закрытой структуры рассмотренного типа, возможность употребления этих форм для выражения относительного времени и невозможность их появления в неопределенно-личных предложениях свидетельствуют о том, что такие формы, функционируя в качестве предиката, могут выступать и носителями атрибутивных отношений. При этом они сохраняют валентности производящего глагола и его видовое значение, что также дает основания для классификации отглагольных форм с указанным суффиксом в качестве предикативных форм причастий. Как было установлено исследователями, сказуемое, выраженное причастными формами, представлено на синхронном срезе во всех самодийских языках, кроме селькупского (Терещенко 1969 : 291—296). Если же исходить из новых данных, то оно известно или, по крайней мере, совсем недавно было известно и селькупскому языку.

С учетом значений и особенностей функционирования отглагольные формы на $-(n)tV-$ в кетском диалекте можно разбить на две большие группы:

- 1) формы с типичным предикативным и возможным предикативно-атрибутивным употреблением — образованные от основ совершенного вида; при предикативном употреблении форм на $-(n)tV-$ от основ результатов у таких форм отмечается появление модального значения неочевидности действия;
- 2) формы с типичным предикативно-атрибутивным и возможным пре-

дикативным употреблением — образованные от основ несовершенного вида.

Классификация дает основания полагать, что в кетском диалекте у показателя $-(n)tV$ - предикативных причастных форм, восходящего к $*(n)tV$ глагольного имени прасамодийского (Күнпар 1978 : 200), разбивается, с одной стороны, в рамках результативного (перфектного) значения модальное значение неочевидности действия. Оно сопровождается переходом форм на $-(n)tV$ - в парадигму финитного глагола. С другой стороны, у таких форм происходит уточнение значения действия-признака, обусловившего возможность их использования в качестве предиката-атрибута: формы на $-(n)tV$ -, присоединяя показатель (*) $-j$, маркирующий определения, становятся атрибутивными формами причастий. Это приводит, в свою очередь, к образованию сложного суффикса причастий-определений $-(n)ti < -(n)tV + (*)-j$, специализированного на выражении процессуального действия-признака (суффикс причастия настоящего времени). Такой специализации, очевидно, способствует использование в качестве предиката-атрибута и для выражения относительного времени (одновременность) форм на $-(n)tV$ - от определенного типа глагольных основ (теперь — несовершенного вида).

Процесс, находящийся в стадии развития в кетском диалекте, для тазовского диалекта селькупского языка уже завершен: $-nt-$ является в этом диалекте маркером наклонения неочевидного действия (нарратива, латентива), сочетающимся с маркерами времен, и одновременно входит в состав сложного суффикса причастия настоящего времени $-(n)tyl < -(n)tV + -l$ (Пр. 54—55; ОчСЯ 241, 254). Таким образом, специфика функционирования суффикса $-(n)tV$ - в отглагольных формах кетского диалекта может служить подтверждением высказанного предположения об этимологической связи маркера аориста нарратива (= настоящего времени латентива, наклонения неочевидного действия) и, соответственно, наклонения в целом, с формантом $-(n)tV$ - в составе сложного показателя причастия настоящего времени (Күнпар 1978 : 99, 200).

План содержания категории наклонения в наиболее развернутой парадигме, представленной в тазовском диалекте, объединяет ряд модальных значений. Индикатив выражает реальное действие в настоящем, прошедшем или будущем (объективная внешняя модальность). Императив обозначает отсутствие действия в действительности и побуждение субъекта к его совершению — волеизъявление говорящего (коммуникативная модальность). Формы конъюнктива передают гипотетическое действие, не реализованное в действительности. В части случаев это действие может быть ирреальным (в нереальных условных предложениях, в самостоятельных предложениях, выражающих нереальную (обусловленную) возможность или нереальное желание). Дебитив, указывающий на необходимость совершения действия, передает значение, входящее в зону внутренней модальности. Другое значение из этой области, значение желательности, выражает оптатив. Оно сочетается со значениями реальности действия и волеизъявления говорящего.носителем внутренней модальности, по-видимому, мог выступать прежде и селькупский императив (см. о возможности использования форм императива для выражения долженствования). Значения таких наклонений, как латентив и аудитив, могут быть отнесены к зоне субъективной внешней модальности. Следовательно, содержательные противопоставления в рамках категории наклонения в северном ареале селькупского языка не сводимы к противопоставлению реальности/ирреальности. В этих противопоставлениях реализуются разноплановые модальные значения: внутренняя, внешняя (субъективная, объективная), коммуника-

тивная модальность. Указанные значения в семантике ряда наклонений могут и перекрещиваться.

Иной оказывается сущность семантического противопоставления индикатива косвенным наклонениям в южном языковом ареале. Здесь функции наклонений со значением внутренней модальности переходят к модальным глаголам, распадается опатив, отсутствует дебитив. Вместо кондиционалиса, выражающего условность действия без указания на его ирреальность, на юге используется индикатив с соответствующими союзами. Значения латентива и аудитива передаются в диалектах южного ареала в основном лексическими средствами — модальными словами (Морева 1983: 114). Сокращается число членов в парадигме императива при одновременном увеличении в ней числа синкретичных форм (императив-индикатив), т. е. наблюдается нейтрализация противопоставления императив/индикатив в плане выражения. Следовательно, при меньшем числе косвенных наклонений (кет.: императив, адхортатив, кондиционалис, конъюнктив; тым., нар.: императив, опатив I, II, латентив, конъюнктив) сущность противопоставления прямого наклонения косвенным не остается неизменной. Это противопоставление начинает тяготеть к противопоставлению реальности/ирреальности. В первую семантическую зону могут быть включены индикатив и императив. Основанием для объединения будет служить нейтрализация их противопоставления в плане выражения (см. выше). Парадигматическое значение императива — волеизъявление — не будет противоречить значению реальности, это разноплановые модальные значения (ИТМГЯ 222—223). Распадающийся опатив также волеится в сферу реалиса (в индикатив или императив). К реалису примыкает и кондиционалис (кет.), выступающий структурно обусловленным средством выражения реальности. В случае последовательной специализации конъюнктива на передаче ирреальных модальных значений (ирреального желания, ирреальной возможности, ирреального условия) он становится ирреалисом.

Изменения, касающиеся плана выражения категории наклонения в диалектах селькупского языка, затрагивают способы передачи значений двух косвенных наклонений, конъюнктива (таз., кет.) и кондиционалиса (кет.). Эти наклонения на фоне общей суффиксальной маркированности могут образовывать свои формы аналитически: конъюнктив — сочетанием глагола в прошедшем времени индикатива с частицей, представляющей собой форму конъюнктива от глагола бытия (ОчСЯ 244; Кузнецова 1987: 113), кондиционалис — посредством присоединения к форме глагола в настоящем времени индикатива частицы, являющейся застывшей формой кондиционалиса от того же глагола (Кузнецова 1987: 111—112; в тазовском ей соответствует союз *eete* 'кабы, если (бы)', 'Wenn' — С—L). Однако сильная склонность языка к агглютинации явно подавляет тенденцию к аналитическому образованию грамматических форм. Так, в аналитических формах конъюнктива (таз.) глагол и частица могут сливаться в одно фонетическое слово при устранении зияния путем элизии конечного гласного глагольной формы или при *j*-овой эпентезе (ОчСЯ 244—245).

Сокращения

БЗ — большеземельский диалект ненецкого языка; **енис.** — енисейский диалект селькупского языка; **кет.** — кетский диалект селькупского языка; **Л** — лесной диалект ненецкого языка; **нар.** — нарымский диалект селькупского языка; **об.** — обский диалект сель-

купского языка; **сев.** — северные селькупские диалекты; **Т** — тундровый диалект ненецкого языка; **таз.** — тазовский диалект селькупского языка; **тым.** — тымский диалект селькупского языка; **южн.** — южные диалекты селькупского языка.
В — Л. А. Варковицкая, Глагольное словообразование в селькупском языке (по материалам баишенского говора). Канд. дисс., Москва 1947; **ГСРЛЯ** — Грамматика современного русского литературного языка, Москва 1970; **ИГРЯ** — Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол, Москва 1982; **ИТМГЯ** — Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола, Москва 1977; **ОчСЯ** — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва 1980; **Пр.** — Г. Н. Прокофьев, Селькупский (остяко-самоедский) язык. Селькупская грамматика, Ленинград 1935; **С—L** — М. А. Castrén, T. Lehtisalo, Samojedische Sprachmaterialien, Helsinki 1960.

ЛИТЕРАТУРА

- Алиткина Л. А. 1985, Отглагольные группы производных имен прилагательных в селькупском языке. — Структура самодийских и енисейских языков, Томск, 5—9.
- Вербов Г. Д. 1973, Диалект лесных ненцев. — Самодийский сборник. Новосибирск, 4—190.
- Виноградов В. В. 1947, Русский язык (Грамматическое учение о слове), Москва—Ленинград.
- Ермолаева Л. С. 1978, Типология развития системы наклонений в германских языках. Автореферат докт. дисс., Москва.
- Кузнецова Н. Г. 1987, Глагольная подсистема кетского диалекта селькупского языка. Канд. дисс., Томск.
- 1988, Эволюция опатива в диалектах селькупского языка. — СФУ XXIV, 189—194.
- Кюннап А. Ю. 1974, Склонение и спряжение в самодийских языках (сравнительно-исторический анализ первичных словоизменительных суффиксов). Автореферат докт. дисс., Тарту.
- Лабанаускас К. 1976, Будущее время в ненецком языке. — СФУ XII, 108—112.
- Лайонз Дж. 1978, Введение в теоретическую лингвистику, Москва.
- Локштанова Л. М. 1987, К трактовке системы наклонений в германских языках (вопросы теории и практики обучения на материале датского, немецкого и английского). — Иностранные языки в высшей школе, вып. 20, Москва, 85—96.
- Майтинская К. Е. 1973, Будущее время в финно-угорских языках. — СФУ IX, 81—90.
- Мейе А. 1951, Общеславянский язык, Москва.
- Мещанинов И. И. 1975, Проблемы развития языка, Ленинград.
- 1978, Члены предложения и части речи, Ленинград.
- Морева Л. В. 1972, Некоторые способы выражения модальности в среднеобских говорах селькупского языка. — Языки и топонимия Сибири V, Томск, 79—84.
- 1983, Повествовательный аорист в среднеобских говорах селькупского языка. — Вопросы енисейского и самодийского языкознания, Томск, 111—117.
- Морева Л. В., Алиткина Л. А. 1976, Предложения с модальными значениями (Объ.). — Сказки народов Сибирского Севера II, Томск, 92—105.
- Петров Н. Е. 1982, О содержании и объеме языковой модальности, Новосибирск.
- Савченко А. П. 1974, Сравнительная грамматика индоевропейских языков, Москва.
- Серебренников Б. А. 1960, Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп, Москва—Ленинград.
- 1974, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва.
- 1988, Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление, Москва.
- Слюсарева Н. А. 1986, Проблемы функциональной морфологии современного английского языка, Москва.
- Смирницкий А. И. 1959, Морфология английского языка, Москва.
- Соболевский С. И. 1948, Грамматика латинского языка, Москва.
- Сорокина И. П. 1975, Морфология глагола энецкого языка. Автореферат канд. дисс., Ленинград.
- 1975а, Морфология глагола энецкого языка. Канд. дисс., Ленинград.
- 1984, Будущее время в энецком языке. — Структура палеоазиатских и самодийских языков, Томск, 115—120.
- Стеблин-Каменский М. И. 1957, Грамматика норвежского языка, Москва—Ленинград.

- Терещенко Н. М. 1965, Ненецко-русский словарь, Москва.
— 1966а, Ненецкий язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, том 3, Москва, 375—395.
— 1966б, Энецкий язык. — Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки, том 3, Москва, 438—457.
— 1969, Именное сказуемое в самодийских языках. — СФУ V, 287—298.
— 1972, Главные члены предложения в самодийских языках. — Члены предложения в языках различных типов, Ленинград, 109—124.
— 1973, Синтаксис самодийских языков. Простое предложение, Ленинград.
— 1976, Грамматические категории глагола в самодийских языках. — Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. Москва, 140—155.
— 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
Хайду П. 1985, Уральские языки и народы, Москва.
Хелимский Е. А. 1985, К исторической диалектологии селькупского языка. — Лексика и грамматика языков Сибири, Барнаул, 42—58.
Храковский В. С., Володин А. П. 1986, Семантика и типология императива. Русский императив, Ленинград.
Castrén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, St.-Petersburg.
Collinder, V. 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Uppsala.
Endzelins, J. 1951, Latviešu valodas gramatika, Rīga.
Hajdú, P. 1968, Chrestomathia Samoiedica, Budapest.
Helimski, E. 1983, The Language of the First Selkup Books, Szeged.
Janhunen, J. 1982, On the Structure of Proto-Uralic. — FUF 44, 23—42.
Janurik, T. 1985, Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte der samojedischen Sprachen. — Dialectologia Uralica, Wiesbaden, 283—301.
Klemm, A. 1925, Zur geschichte der sogenannten tempora in den finnisch-ugrischen sprachen. — FUF XVII, 265—279.
Künnap, A. 1978, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe II. Verbalflexion und Verbalnomina, (MSFOu 164).
Морева, Л. В. 1985, Das Modalfeld des Selkupischen (in Mundarten am mittleren Ob') — Шестой международный конгресс финно-угроведов. Тезисы. Языкознание, том I. Сыктывкар, 59.
Sammallahti, P. 1974, Material from the Forest Nenets, Helsinki (Castronianumin toimiteita 2).
Serebrennikov, B. A. 1973, Strukturmerkmale der frühuralischen Grundsprache. — UAJb., Bd. 45, 65—79.

N. G. KUZNECOVA (Tomsk)

ÜBER VERÄNDERUNGEN IN DER SÖLKUPISCHEN MODUSKATEGORIE

Im vorliegenden Artikel werden Forschungsergebnisse über Veränderungen in der sölkupischen Moduskategorie dargelegt. Schlußfolgerungen wurden aufgrund des Vergleichs von Materialien aus nördlichen und südlichen Dialekte gezogen. Die Veränderungen in der betrachteten Kategorie beziehen sich sowohl auf ihre Semantik als auch auf die Ausdrucksweise ihrer Subkategorien.